

Более или менее осмысленно начала писать в 2012 году.

Родилась в Тамбове в семье военнослужащих. Много переезжала. Десять лет провела на севере (в Архангельской области). Сейчас проживаю и работаю в Москве.

Я инженер-программист. Не имею филологического образования, не посещала ЛиТО, серьёзных публикаций не имею. Пишу сейчас всё это, и как-то неловко уже становится отправлять свои работы на столь серьёзный конкурс. Не тот уровень что ли. Впрочем, из-за «не того уровня» пусть смущаются дипломированные филологи.

Решилась на этот шаг, вдохновившись собственным небольшим успехом: моё стихотворение было отобрано для публикации в сетевом издании m24.ru в проекте «Живые поэты», что стало для меня огромной неожиданностью. Смею надеяться ещё на одну.

ПИНГВИНАМ

Опять накрыта мясной волной.
Писать не хочется. Что трепаться,
Стихи высасывая из пальца?
Здесь два желания: высыпаться
И хоть секунду побыть одной.

Ещё, а, может, уже темно,
Пищит впечатанный в круг "Единый",
И ты спускаешься вниз, в глубины,
Где пахнет смесью Chanel и псины,
А люди движутся как пингвины,
Что и пугающе, и смешно.

Пока бунтует твоё нутро,
Не хочет влиться в пингвинье стадо.
Раз в сотый слышишь: "Привыкнуть надо".
Из всех возможных концепций ада
Теперь осталась одна — метро.

Оно живое. Не холодей
От дуновений в лицо сквозь грохот
Ветров, полученных им по крохам
Путём сложения тысяч вздохов
Всех выдыхающихся людей.

Ещё неделя — и epic win,
Боюсь, отпразднует свой столица:
Придётся с гордостью распроститься.
Какой в душе ни была бы птицей,
Ты станешь двигаться как пингвин.

ДНЕВНИК ШМЕЛЯ

1

Меня поймал. Я в банке. Сквозь стекло
Он смотрит ласково. Глазёнки голубые.
А что, не так уж плохо. Здесь тепло.
Всё к лучшему. Он даже не забыл и
Цветочков всяких накидал на дно.
Короче, удовольствие одно.

2

Немного душно, но еды полно.
 Почти привык к забавам человеческим:
 В стекло стучал весь день, ну а под вечер
 Он банку переставил на окно.
 Всё хорошо, но лишь дышать чуть сложно.
 Льёт дождь, вид из окна неплох. Жить можно.

3

Сегодня мне пришла внезапно мысль:
 "А эта банка меньше, чем казалась".
 Весь вечер вспоминалось мне, как мы с
 Товарищем летали и врезались
 По пьяни, утопив печаль в нектаре...
 Какого лешего я в этой стеклотаре?

4

Весь день палило солнце, и сейчас
 Цветы завяли. Жар невыносим, а
 Закат наступит только через час.
 Должно быть, так же было в Хиросиме.
 Дышать мне нечем! Что ты смотришь, глупый?
 Он улыбается, вертя меня под лупой.

5

Схожу с ума. Прозрачных стёкол плен
 Везде. Так тесно. Сверху (вместо крышки)
 Натянут туго полиэтилен.
 Я — идиот. И это понял слишком
 Не вовремя. Всё. Кончилась вода.
 За что он посадил меня сюда?

6

Гниют цветы. Вокруг такая вонь.
 Тюремщик улыбается зловеще,
 Меня вытряхивает резко на ладонь.
 Я нехотя осознаю две вещи:
 1. Мне не дожить до будущей весны.
 2. Как бирюза глаза у сатаны.

Опять исполняет лихой пируэт
Наждачно-шершавое слово.
Прочтя этот стих, мой любимый поэт,
Боюсь, застрелился бы снова.

"Тамбов", - сообщил молодой проводник.
Терзая картонку билета,
Вскочила я, видя, что в окнах возник
Вокзал поросячьего цвета.

Я молча раскланялась с проводником.
(К чему объяснять молодому,
Насколько тепло ощущать языком
Простейшую фразу "Я дома"?)

"Я дома" — бальзам для помятой души.
Здесь всё: простоквашные лица,
Хамьё, проститутки, бомжи, алкаши —
Милей и родней, чем в столице.

Здесь дух православия неисцелим.
Настолько им город мой болен,
Что давится синее небо над ним
Крестами его колоколен.

Здесь жить — несомненно, плохой вариант,
Здесь жить никому не по нраву,
Но так как и я — не совсем бриллиант,
Мой город — под стать мне оправа.

Пускай он лишён наивысшей из проб,
Но в память навек утрамбован.
И тянется к небу мой будущий гроб
В сосновом лесу под Тамбовом.

Листая глазами тела полуголых дурёх,
 Которым июльское солнце заляпало плечи,
 На лавке под липой скучал пожилой человечек
 (На вид приблизительно лет двадцати четырёх).

Он жил, утомлённый кадрилию стабильных страстей,
 Снимал и читал, будто книги с обшарпанных полок,
 И женщин-романы, и баб-детективы, и тёлоч,
 Убогих как статусы их социальных сетей.

Когда-то любил и читал лишь одну, а в ответ
 Любим, вероятно, был — видел в ней Библию. Что же...
 Книжонка позднее действительно стала похожа
 На пафосный, но замусоленный Ветхий Завет.

"Старик" прикурил сигарету. Смертельно устав
 От чтения текстов, лишённых малейшей интриги,
 Подумал о поисках пухлой поваренной книги
 (С годами всё больше похожей на строгий устав),

О тихом, простом оглавлении каждого дня,
 Потом о возможном издании мелких брошюрочек...
 Отмёл эту мысль, засмеялся, роняя окуроч.
 И вот, наконец, обернувшись, заметил меня.

Небесный Верстальщик макета красот и умов
 Когда-то решил, что с меня не получится толка.
 И вот — я не книга, а так... неприметная полка —
 Простая опора полка симпатичных томов.

В глазах "старика" неподдельный, живой интерес —
 Не может меня по привычке листать в результате,
 Ведь мой вариант — к сожаленью — отнюдь не читатель,
 А мастер, надёжно вогнавший в меня саморез.

Немой диалог между нами почти завершён
 Внезапным взаимным и всё понимающим взглядом:
 А мы, вероятно, могли бы быть счастливы рядом,
 Когда бы не я... да и, в общем-то, если б не он.

И мы разошлись. В голове — ускользающий миг:
 Аллея, скамейка под липой, июль на излёте
 И двое несчастных, но каждый в своём переплёте —
 Нелепая книжная полка и юный старик.

Успешно подражая васильку,
Синеет воздух, что вблизи прозрачен.
Мы едем, и на трассе всё иначе:
Здесь свет летит навстречу мотыльку.

И численностью клякс на лобовом,
Синонимичной скорости машины,
Мы измеряем время, и лишь шины
С асфальтом шепчутся в беззвучьи гробовом.

Как много нас таких, что здесь летят,
Не чувствуя ни радости, ни боли,
С влюблённостью, приравненной к Эболе,
Слезу перегоняя в дистиллят,

Который всё равно слезоточив.
С коробкой металлической в союзе,
Как блендером, в невыносимый смузи
Эмоциями душу измельчив,

Покинув свой обыденный уют,
В бессмысленной надежде зубы скаля,
Летим оттуда, где не отпускали,
Туда, где нас ни капельки не ждут.

Твою душу слепяще-жаркую
Ни к чему утомлять прогулками.
Я б взяла тебя молча за руку,
Отвела бы в квартиру гулкую.

По поверхности пола голого
Растянувшись своими жилами,
Стала б гладить твою я голову,
На груди своей уложив её.

Я читала бы Маяковского,
И мой голос дрожал до жути бы.
Вот наш вечер тебе набросками.
Это всё, что я предложу тебе.

Нокаут октября: Тамбов распластан,
А холод шаг преобразует в бег.
Довольна осень прибылью аптек.
Господь, смеясь, скрежещет пенопластом
И сеет гранулированный снег.

Когда же, не оставив дыр в покрове,
Зима придёт, издав щёлчок курка,
Разбавит человеческая рука
Стандартные его пять литров крови
Безмолвием и стопкой коньяка.

Сомнамбулами вклинясь в строй сомнамбул,
Мы станем равнодушны. Но честны.
Как хлороформом будут наши сны
Пропитаны желанием, чтоб нам был
Покой дан. Хоть до будущей весны.